

Астахов Л.

Памяти Чехова

Источник: Заря (Харбин). 1931. 23 июня. № 169. С. 3.

Каждый год в знойные дни благодатного, лазурного июня <sic!> сердце, переполненное беспричинной и сладкой печалью, зовет холодный разум, подавленный скорбями житейских, скитальческих будней, к светлым воспоминаниям об одном из самых замечательных художников российской литературы – в годовщину его ранней, безвременной смерти.

Антон Павлович Чехов, нежнейший акварелист русской беллетристики, благородный врач-гуманист в духе заветов незабвенного Н. И. Пирогова, апостол самобытной интеллигентской «совестливости», певец и заступник всех униженных и оскорбленных, неподкупный и непримиримый враг беспринципности, лицемерия, насилия, произвола, он физически умер много лет тому назад, накануне зловещего кризиса исторической России, перед началом русско-японской войны.

Но духовно Чехов – с нами, в нас до сих пор, от Харбина – до Тамбова, и от Парижа до Аргентины, всюду, где слышится великий и свободный русский язык, где страдают, спорят, любят и умирают его бессмертные герои – «хмурые люди», академики, акцизные надзиратели, земские врачи, сельские батюшки, армейские штабс-капитаны, дамы с собачками, несчастные, мечтательные дядя Вани и утешающие их милые, некрасивые Сони, которые твердят нам, в часы безысходной тоски: «Когда-нибудь, через тысячу лет, наша мрачная жизнь превратится в цветущий сад... Мы узнаем, для чего были наши тяжкие, земные страдания... Мы отдохнем, дядя Ваня, мы отдохнем, мы увидим небо в алмазах» ...

В замечательной повести А. П. Чехова «Моя жизнь» герой, «опростившийся» кающийся дворянин Полознев, так подводит итоги совместной жизни и работы с «народом» в деревенской России: «Моя жена (певица-дилетантка) негодовала, на душе у нее собралась накипь, а я между тем привыкал к мужикам и меня все больше тянуло к ним. В большинстве это были нервные, раздраженные, оскорбленные люди. Это были люди с подавленным воображением, невежественные, с бедным, тусклым кругозором, все с одними и теми же мыслями о сырой земле, о серых днях, о черном хлебе, люди, которые хитрили, но, как птицы, прятали за дерево только одну голову, – которые не умели считать. Они не шли к нам на сенокос за 20 рублей, но шли за полведра водки, хотя за 20 рублей могли бы купить четыре ведра. В самом деле, были и грязь, и пьянство, и глупость, и обманы, но при всем том, однако, чувствовалось, что жизнь мужицкая, в общем, держится на каком-то крепком, здоровом стержне. Каким бы неуклюжим зверем ни казался мужик, идя за своей сохой, и как бы он ни дурманил себя водкой, все же, приглядываясь к нему поближе, чувствуешь, что в нем есть то нужное и очень важное, чего нет, например, в моей жене и ее друзьях-резонерах, а именно, мужик верит, что главное на земле – правда, и что спасение его и всего народа – в одной лишь правде, и потому больше всего на свете он любит справедливость»...

Когда жена Полознева, добрая, умная, образованная женщина, бледная от гнева, со слезами жаловалась своим друзьям в уютной гостиной на то, что соседние мужики пьянствуют и обманывают ее в мелочах усадебной жизни, то «совестливого», правдивого Полознева приводила в недоумение и поражала ее забывчивость: «Как могла она забыть, что ее отец, инженер, сын простого ямщика, тоже пил, много пил, и что деньги, на которые было куплено это самое имение, были приобретены путем бессовестных обманов? Как могла она забыть?»

Когда жена Полознева, поиграв им, как случайной игрушкой, бросает его и уезжает в столицу, он с трогательной покорностью, кротко и вдумчиво, говорит, что это вполне понятно: ведь он, уездный идеалист-правдоискатель, был для нее, красивой, честолюбивой, светской актрисы, только извозчиком, который честно довез ее от одного до другого, ближайшего, этапа ее пестрой, богатой, избалованной жизни...

Рассказ Чехова «Ионыч» точно написан вчера: так близки и знакомы нам все его милые, скучные персонажи.

Семья Туркиных жила на главной улице в собственном доме. Сам Туркин, полный, красивый, с бакенбардами, душа общества, шутник, весельчак, устроитель балов и благотворительных спектаклей. Его супруга носила пенсне, писала длинные романы и обширные повести, и охотно читала их своим гостям. Их молодая дочь приятно играла на рояле. Словом, у каждого члена семьи был какой-нибудь талант. Туркины принимали гостей радушно и показывали им свои таланты весело, с сердечной простотой. В их большом каменном доме было просторно и летом прохладно, половина окон выходила в старый тенистый сад, где весной пели соловьи. Когда в доме сидели гости, то в кухне стучали ножами, во дворе пахло жареным луком – и это всякий раз предвещало обильный ужин...

В эту провинцию приезжает молодой земский врач Старцев (Ионыч), его засасывает с годами тихая, провинциальная тина сытого, ленивого, бездумного быта: «Опыт научил его мало-помалу, что пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то – это мирный, благодушный и даже не глупый человек. Но стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например, о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти. Когда Старцев пробовал заговорить даже с либеральным обывателем, например, о том, что человечество, слава Богу, идет вперед и, что со временем он будет обходиться без паспортов и без смертной казни, то обыватель глядел на него искоса и недоверчиво, и спрашивал:

– Значит, тогда всякий может резать на улице кого угодно?»

Женские образы, созданные вдохновенным талантом Чехова, стали непревзойденными, классическими: Мисюсь («Дом с мезонином»), Соня («Дядя Ваня»), Нина Зарецкая («Чайка»), героини «Трех сестер», «Вишневого сада», «Дуэли», «Моей жизни», «Дамы с собачкой» – все они близки и дороги нам, как наши сестры и матери, как ароматное цветение вечно-женственного, прекрасного начала в природе, как светлый лик земной, тревожной мечты...

В чарующих рассказах Чехова «Архиерей», «Святою ночью», «Студент» – российский клир и миряне, древние монастыри и вечные раздумья мечтательных странников-богомольцев, все отражено с подкупающей искренностью, честной правдивостью, необыкновенно живописно и просто.

Пантеизм Чехова, глубокий и мудрый, и сейчас волнует сердца.

Описывая кладбище мимоходом, Чехов находит там: «Мир, не похожий ни на что другое, мир, где так хорош и мягок лунный свет, точно здесь его колыбель, где нет жизни, нет и нет, но в каждом темном тополе, в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную.

От плит и увядших цветов, вместе с осенним запахом листьев, веет прощением, печалью и покоем»...

А вот иной гимн, не смерти, а жизни («Ариадна»): «Представьте себе большой старый сад, уютные цветники, пасеку, огород, внизу река с кудрявым ивняком, а по ту сторону луг, за лугом на холме страшный темный бор... Я умру, заколотят меня в гробе, а все мне, кажется, будут сниться ранние утра, когда, знаете, больно глазам от солнца, или чудные весенние вечера, когда в саду и за садом кричат соловьи и дергачи, в доме играют на рояле, шумит река, одним словом, такая музыка, что хочется и плакать и громко петь»...

Это – Россия Чехова и Левитана, неумирающая мечта наших хмурых сердец.